

КОНСЕРВАТИВНЫЙ ЭЛИТАРИЗМ VERSUS ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ЭГАЛИТАРИЗМ: ЭТАПЫ КОНСЕРВАТИВНОГО ВОСПРИЯТИЯ ЛИБЕРАЛЬНОГО КОНЦЕПТА РАВЕНСТВА В РУССКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

CONSERVATIVE ELITISM VERSUS LIBERAL EGALITARIANISM: STAGES OF CONSERVATIVE PERCEPTION OF LIBERAL CONCEPT "EQUALITY" IN RUSSIAN SOCIAL PHILOSOPHY

I. Demin

Annotation

The article analyzes the peculiarities of perception of liberal concept "equality" by Russian conservatives. The special emphasis placed on this problem by the representatives of social, state, liberal and revolutionary conservatism is investigated. The conservative approach (deriving from a classical "proportional equality") with its particular attention to an axiologically determined notion of social elite has been demonstrated.

Keywords: social philosophy, Russian conservatism, liberalism, equality, elitism, egalitarianism.

Демин Иван Валерьевич

Ст. преподаватель,

Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова, Барнаул

Аннотация

В статье анализируются особенности восприятия русскими консерваторами либерального концепта равенства. Исследуются акценты, сделанные по этой проблеме представителями социального, государственного, либерального и революционного консерватизма. продемонстрирован консервативный подход (восходящий к классическому "пропорциональному равенству") с его особым вниманием к аксиологически определяемому понятию социальной элиты.

Ключевые слова:

Социальная философия, русский консерватизм, либерализм, равенство, элитаризм, эгалитаризм.

Стремительно возросший в последнее время поток публикаций по консерватизму далеко не случаен – он отражает реальные подвижки в академическом сообществе по осознанию естественных пределов либеральных принципов общественного устройства. Начинается интенсивный поиск альтернативных стратегий и практик социальной организации с учетом того, что конкурентно-соревновательная модель либерализма не всегда способна эффективно справляться с проблемами стабильного и устойчивого общественного функционирования. Становится очевидным, что свобода личности нуждается в апробировании традициями и коллективными механизмами, прежде всего, для сдерживания ее деструктивного "волящего" потенциала; и это сдерживание часто задерживает, казалось бы, совершенно исчерпавший себя в эпоху постмодерна этический патернализм.

Среди множества либеральных концептов, анализируемых и критикуемых русскими консерваторами, одно из главных мест занимает концепт "равенство" как раз потому, что требования многообразного уравнивания наряду

с борьбой за индивидуальную свободу составляли кредо теоретического и практического либерализма. Эгалитарный дух либерализма, как, впрочем, и его "левого" антагониста – социализма, явился весьма уязвимой мишенью для критики, чем не преминули воспользоваться консерваторы. В подавляющем большинстве случаев консервативная критика эгалитаризма велась в предсказуемой форме протиположного ему элитаризма, тем более что последний чрезвычайно созвучен аксиологическому пафосу русских консерваторов. Действительно, элитаризм русских консерваторов при всех частностях – феномен, главным образом, аксиологический, соотносимый с общей моральной доминантой русского философствования. Признание элитарной общественной структуры социальным идеалом не могло не подразумевать специфически ценностного понимания самой элиты: она рассматривается в первую очередь как совокупность индивидов (творческое меньшинство), обладающих определенным духовным и моральным превосходством над массой. Хотя и более институциональное определение элиты как людей, обладающих позициями власти и рычагами политического, экономического и куль-

турного влияния на социальную систему (правлящий класс), также играет свою роль в консервативной аргументации, правда, пери-ферийную.

Сам по себе элитаризм имеет богатую историю. Достаточно указать на гераклитовский аристократизм: "один мне – Тьма, если он наилучший". "Наилучший" оправдывает безликое существование "бесчисленных" высотой своих духовных запросов, устремленных к Истине и конечным причинам вещей. Уже здесь явственно виден духовный аристократизм, обособляющий тех, кто несет его в своей душе, от остальных – непосвященных, профанов. В XX столетии Ортега-и-Гассет так сформулирует внутренний императив везденавязывающего себя "среднего человека": "Жить – это не чувствовать никаких ограничений и поэтому смело полагаться на себя; все практически дозволено, ничто не грозит расплатой, и вообще никто никого не выше" [9, с. 60]. Как известно, философ противопоставил этой эгалитарной спеси "самодовольных недорослей" элитарную мораль "высокой жизни", средоточие которой – ответственное служение чему-то высшему, должному [9, с. 61–63]. Чем благороднее человек, тем больше он ограничен – в позитивном смысле – онтологической иерархией, творящей тот непреложный "порядок ценностей", который внутренне обязателен для человека элиты. В этом смысле он именно ограничен онтологически высшей сферой моральных абсолютов и эстетических образцов. Он более подчинен абсолютным задачам жизни и чуждается гуманистического субъективизма, способного породить духовного минималиста, т.е. человека, вообще не озабоченного собственным совершенствованием, но при этом агрессивно притязającego на свое "уравнение" с другими, в том числе с теми, кого мы относим в разряд духовной элиты.

Безусловно, в русском консервативном элитаризме определяются особые акценты в критике либерального эгалитаризма в зависимости от того, к какому историческому типу русского консерватизма мы обращаемся. Ранее нами уже была обоснована периодизация и типология русского консервативного дискурса с выделением четырех его типов – государственного, социального, либерального и революционного, сформировавшихся на этапах Классики и Неклассики (несколько огрубляя, можно идентифицировать эти этапы как дореволюционный и эмигрантский). Ввиду этого мы отсылаем читателя к соответствующей работе [См. подробнее: 3]. Ниже мы последовательно проследим особенности рецепции либерального концепта равенства каждым из четырех типов русского консерватизма.

Социальный консерватизм, первоначально представленный в раннем славянофильстве, имеет значительный либерально-идеалистический окрас, и поэтому говорить о явно манифестируемом элитаризме не приходится. Философский либерализм ранних славянофилов – крайне ро-мантизированный, он связан с построением

коллективного мифа о "на-роде", "нации", "земле" как соборной, органической целостности, вы-ступающей в государстве с единой волей. Какой-либо дифференциации общества на элиту и массу при поверхностном знакомстве со славяно-фильским наследием не обнаруживается. Так, неклассический социальный консерватор И.П. Солоневич пишет о неконкурентной со-работе "сильной монархии" и "народного представительства" в Московской Руси. "... Русская монархия, – настаивает Солоневич, – есть вырази-тельница воли, т.е. совести, нации, а не воли капиталистов... или воли аристократии" [10, с. 109]. Это идеальное "всеединство" государства и общества, центрируемое "диктатурой совести" (фактически православи-ем), находится вне любой социальной дифференциации. Соборная воля народа взращивает своего монарха, а монарх представляет личные интересы подданных, в принципе непротиворечивые интересам соборного целого. В социальном консерватизме постулируется несомненно утопи-ческое представление о всеобщей приверженности некому абсолютному мерилу, в данном случае православной совести. Либеральный республи-канизм с его равенством граждан в праве на свободное волеизъявление отрицается Солоневичем за "партийный базар" и фактическое искаже-ние так называемого "общественного мнения" внешними источниками наподобие "бульварной прессы", в то время как подлинная свободная воля человека нуждается в религиозном воспитании [10, с. 119–120]. Здесь-то, как нам кажется, и лежит латентный элитаризм социальных консерваторов. По сути, они включают в понятие "народа" не всех ин-дивидов, находящихся в своеобразном демократическом пространстве несогласий, где каждый имеет право на высказывание своей точки зре-ния, а только тех, кто верен общему духовному стержню, а значит, и на-делен качеством отборности, элитарности. В результате получается, что элитарен весь идеализируемый "народ", а отколовшиеся от него элемен-ты считаются не "равными", а находящимися в нижней плоскости "раз-вращенных". Характерно в этой связи, например, разделение К. Аксаковым русского общества на "народ" и "публику". "Публика" – это как раз ушедшая от традиционной русской жизни, вестернизированная ква-зиэлита: "Публика выписывает из-за моря мысли и чувства, мазурки и польки, народ черпает жизнь из родного источника" [1, с. 237]. А вот показательное оценочное определение частей данной оппозиции: "И в публике есть золото и грязь, и в народе есть золото и грязь; но в публике грязь в золоте, в народе – золото в грязи" [1, с. 238].

Государственные консерваторы, должно быть, держат пальму пер-венства по защите не столько духовно-ари-стократического неравенства, сколько политико-правового. Апологеты сословного строя в монархиче-ском государстве, они утверждают, что только устоявшееся сословное разделение общества является условием ста-бильного и преемственного политического бытия. Нередко в этом консерватизме статус-кво элита примитивно

отождествляется с наследственной (родовой) аристократией, а критика либерального эгалитаризма вырастает из классовой неприязни дворян по отношению к либеральным силам, устраняющим с исторической неизбежностью их сословные привилегии. Князь В.П. Мещерский против "либеральной, мужицкой эры" вследствие того, что она, устраивая земские всесословные коллегиальные учреждения, продолжает, с его точки зрения, утопические славянофильские мечтания о едином Русском народе, Руси бессословной, тогда как в условиях "недостатка людей" в провинции лишь дворяне представляют там действительно самосознательную, интеллигентную и посему способную на управление общественную группу [8, с. 287–292]. Сомнительным выводам Мещерского противостоит взгляд другого мыслителя из лагеря государственных консерваторов – К.Н. Леонтьева. Он также защитник юридического сословного разделения, он даже обрушивается на ранних славянофилов за их эгалитарный либерализм, но делает это Леонтьев вовсе не из-за смешения якобы "элитарного" дворянства с социальными "низами". Напротив, отделение от высшего сословия – залог сохранения культурного типа народа, его национального характера. Благодаря эгалитаризму вероятнее всего влияние "сверху вниз, со стороны более сведущей, но культурно более испорченной (ибо культура не в массе знаний, а в живом своеобразном освещении этого умственного хаоса)", и уравнивающий, а стало быть, усредняющий, либерализм разрушает национальный социально-антропологический тип [6, с. 163]. Словом, чтобы защитить "народ" от неминуемого при эгалитаризме подражания чужеродной "публике", надо, полагает Леонтьев, поддерживать крепкий сословный строй. Тогда заимствованные дворянской и интеллигентской верхушкой общества западные пороки (гуманистический секуляризм, индивидуализм, позитивистское понимание прогресса и пр.) и останутся в среде квазиэлиты, зараженной вирусом "европейничанья", не сумев стать общенациональной бедой.

Либеральные консерваторы обосновывают аристократическую природу государства в духовном смысле, доказывая, что в основе здорового общественного правосознания должна лежать естественная предпосылка об интеллектуальном и нравственном ранге людей. Правда, этот ранг характеризуется в политико-реалистическом ключе, вбирая в свое содержание естественное неравенство людей в силе характеров, понимании национальных исторических традиций, умении действовать решительно и ответственно с точки зрения интересов всего народа, а также профессиональной подготовке [4, с. 74]. И.А. Ильин подмечает внутреннее противоречие в либеральных постулатах демократии: теоретически формальная свобода подразумевает якобы равное вовлечение всех в политику и общественную жизнь, но на деле в либеральных обществах расцветает небывалое "расслоение, самоутверждение корыстной особи" [4, с. 192]. Основную причину этого он видит в неправильной интерпретации

либералами самой сути свободы и равенства. Свобода нужна только тем, кто постоянно живет интенсивной духовной жизнью, т.е. как раз "людям первого ранга"; массе же нужна вовсе не свобода, а "легкое обхождение", "комфорт и удобство", "поток развлечений" [4, с. 197]. Отсюда, можно сказать, и развиваются приобретающие в либеральной демократии привкус шкурничества стремление к успеху, карьеризм и честолюбивая жажда доминирования в социальном пространстве. Массе алчет не равенства, а "неравенства в свою пользу", т.е. использует эгалитаризм для удовлетворения безграничных и ненасытных личных притязаний в ущерб единому благу народа и государства. Как следствие, последовательно проводимые в жизнь либеральные требования "равенства" оборачиваются реальным увеличением неравенства, прежде всего – экономического, но вместе с ним и политического, юридического, культурного и т.д. Общество, которое культивирует в человеке не служение, а завистливое приобретательство, – внутренне больное общество, ведь оно перманентно находится под угрозой скатывания то в левый, то в правый тоталитаризм [4, с. 197]. Таким образом, только элита, состоящая из "качественных людей", а не беспринципных, ловких дельцов с их "равным" "правом на невежество и продажность", обеспечивает по-настоящему национально-ориентированное и авторитетное водительство государством и обществом. Эгалитаризм здесь в корне неприменим, поскольку он коверкает принцип качественного отбора "лучших людей" на основе корреляции социальных рангов с такими социокультурными понятиями, как правосознание, профессиональная компетентность, патриотизм, гражданственность.

Революционный консерватизм, масштабно развернувшийся после русской революции в евразийском движении, очевидно, уходит корнями в романтическую традицию, ницшеанскую идею "переоценки ценностей" и эпохальной роли "сильных людей" с их могучим инстинктом жизни, призванным создать новые ценности, достойные охранения. Но в принципе у евразийцев были предшественники в этой области, критиковавшие либеральные концепты, исходя из развернутого эстетического мировоззрения. Об эстетической "низости" продукта либерального эгалитаризма – мещанина писал, предвосхищая Леонтьева, А.И. Герцен – мыслитель далеко не консервативных взглядов. Разочаровавшийся западник, он так воспринял практические последствия европейского уравнивания: "С мещанством стираются личности, но стертые люди сытее; платья дюжинные, незаказные, не по талии, но число носящих их больше. С мещанством стирается красота породы, но растет ее благосостояние" [2, с. 355]. Герцен тяжело переживал смешение всех социальных сил во что-то пошло-узкое, среднее, неопределенное. Мещанская "середина" есть основной антитипод "сильной личности", которая всегда четко обозначена, определена, тоталитарно отграничена от "толпы", противится аморфности положения посередине – поло-

жения посредственно–сти. Впоследствии Леонтьев лишь укрупнит эту мысль в своей теории о вторичном смешении в Европе, ведущем посредством эгалитарного прогресса к социальному однообразию – буржуазности. Агент буржуазно–сти – "средний тип" девальвировал эстетически совершенные фигуры монаха, воина, священника, – все те социальные типы, в которых духовная сила побеждала вещественную [7, с. 216]. Эстетическое мерило Леонтьева тут безапелляционно: "средний европеец" "менее прекрасен", "менее героичен, чем типы более сложные или более односторонне крайние" [7, с. 217]. Так героический культ "сильных людей" перешел затем в революционный консерватизм евразийцев.

Евразийцы, с одной стороны, переняли краеугольную интуицию социальных консерваторов о соборном единстве народа, о единой, внут–ренне непротиворечивой народной воле, а с другой – скорректировали ее в духе романтического элитаризма. Единый народно–государственный организм, представленный в иерархическом порядке разнородных социальных личностей, концептуализируется евразийской мыслью во многом в русле метафизики всеединства [5]. В метафизике всеединства исходным, абсолютным критерием совершенства объявляется Богочеловечество, а каждый народ наряду с эмпирическим планом своего существования имеет некое призвание как Божий Замысел о нем. Однако евразийцы упор сделали не на ноуменальной, духовной составляющей коллективного бытия, а на дионисийском порыве стихии жизни, понятом как мощнейший волевой акт "сильных людей", задача которых – воплотить в истории новый социальный органицизм, базирующийся на власти "идеи–правительницы". По сути дела, этим творческим "сильным людям" как элитарному меньшинству и вменя–

лось в обязанности сфор–мулировать и "проговорить" бессознательно таящуюся в народе как "симфонической личности" волю. Только через такое меньшинство возможно позитивное государственное строительство, революционно ло–мающее прошлые оковы и создающее из стихии народной жизни будущее единство. Романтический элитаризм евразийцев естественным образом повторил антиэгалитарную аргументацию Леонтьева, видевшего в мещанском "уравнивании" признак ослабления созидательной воли и победы механистического индивидуализма над объективно–идеалистической тотальностью государства. "В свободном, изнутри на–правляемом развитии и росте "симфонической народной личности", – объясняет евразийскую социальную онтологию Г.В. Флоровский, – в порядке естественной и необходимой социальной дифференциации, вы–деляется и слагается в себе своеобразная "соборная личность" второго порядка, "правлящий слой", и в нем, как его средоточие и сердцеви–на, как его живой стержень, выделяется некий "государственный актив", – это и есть "единственно правительствующая партия" [11]. Нужно, ра–зумеется, отметить, что идеализируемый "государственный актив", чут–ко прислушивающийся к исторической необходимости, объединен, со–гласно теоретическим построениям евразийцев, практически духовно–нравственной дисциплиной монашеского ордена.

Таким образом, эгалитарные интенции либерализма наталкивают–ся на серьезный отпор со стороны русского консервативного элитариз–ма. Формальному и искусственному "равенству" либералов противопоставляется идеал естественного элитарного общественного устройства с преимущественно аксиологической трактовкой понятия элиты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксаков К.С. Государство и народ. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 608 с.
2. Герцен А.И. Концы и начала // Герцен А.И. Соч. в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1986. С. 347–407.
3. Демин И.В. Философско–теоретические рамки русского консерватизма // В мире научных открытий. 2014. № 11.3(59). С. 1393–1418.
4. Ильин И.А. Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг.: в 2 т. Т. 2. М.: Айрис–пресс, 2008. 512 с.
5. Карсавин Л.П. Религиозно–философские сочинения. Т. 1. М.: Ренессанс, 1992. LXXIII, 325 с.
6. Леонтьев К.Н. Как надо понимать сближение с народом? // Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч. и пис. в 12 т. Т. 7. Кн. 2. СПб.: Владимир Даль, 2006. С. 156–179.
7. Леонтьев К.Н. Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения // Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч. и пис. в 12 т. Т. 8. Кн. 1. СПб.: Владимир Даль, 2007. С. 159–233.
8. Мещерский В.П. За великую Россию. Против либерализма. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 624 с.
9. Ортега–и–Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2002. 509 с.
10. Солоневич И.Л. Народная монархия. М.: Алгоритм, 2011. 624 с.
11. Флоровский Г.В. Евразийский соблазн [Электронный ресурс] // Библиотека "Вехи". Режим доступа: <http://www.vehi.net/florovsky/evraziistvo.html> (дата обращения: 23.03.2015).